

Дмитрий Карасюк
«Агата Кристи». Чёрные
сказки белой зимы
Серия «Легенды русского рока»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38568145

*«Агата Кристи»: Чёрные сказки белой зимы: Издательство АСТ:
Кладезь; М.; 2018*

ISBN 978-5-17-108320-5

Аннотация

«Агата Кристи» – одна из самых знаменитых российских рок-групп, оказавшая огромное влияние на умы молодёжи конца XX – начала XXI веков. Путь к вершинам рок-н-рольной славы дался её лидерам Вадиму и Глебу Самойловым нелегко. Им пришлось пережить взлёты и падения, пристрастия к алкоголю и наркотикам, потери друзей, распады семей... История «Агаты Кристи» закончилась непримиримой враждой между братьями. Известный историограф уральского рока Дмитрий Карасюк рассказывает о нелёгкой жизни группы «Агата Кристи» правдиво, с массой неизвестных ранее подробностей. Большинство фотографий публикуются впервые.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Дмитрий Карасюк

«Агата Кристи»: Чёрные сказки белой зимы

© Дмитрий Карасюк, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Братья Самойловы, 1978

Фото из архива Елены Чистовой

Глава 1

«...С чистого листа»

(1970–1984)

Одна из главных тайн, которую оставила после себя «Агата Кристи», – это загадка собственного возраста. Как и многие существа с женским именем, она и сама была не очень твёрдо уверена в дате своего рождения. Исследователи творчества, журналисты и сами музыканты спорили о времени её появления на свет. В любом случае все всплывавшие в этих спорах даты являются важными вехами в истории знаменитой группы. Но несомненно, что самая ранняя из них – 4 августа 1970 года, когда в семье Самойловых родился второй сын.

Вадим Самойлов прекрасно помнит, что впервые увидел младшего брата Глеба «в окне родильного дома. Как и полагається, мы стояли с папой и махали цветочками. Нам показали его из окна, маленького и уже орущего». Родильный дом находился в небольшом городе Асбесте, в 80 километрах от Свердловска.

Когда нового члена семьи привезли домой, стали выбирать ему имя. Вадик, которому ещё не исполнилось шести лет, категорически требовал, чтобы младшего брата назвали Пупсиком, такой он был маленький и хорошенький. Папа,

Рудольф Петрович предложил менее радикальное имя Глеб. Старший сын настаивал на Пупсике. Чтобы не травмировать детей (одного прямо сейчас, а другого на всю жизнь), папа предложил тянуть жребий. Бумажки с предлагаемыми именами бросили в шапку, и Вадик вытянул имя Глеб. Впоследствии выяснилось, что папа схитрил и на всех бумажках написал лоббируемое им имя. Благодаря этой уловке, Глеб стал Глебом, чему очень рад: «Так бы я был Пупсиком. Отличное имя для рок-звезды – Вадим и Пупсик Самойловы – легенды русского рока!»

Половина будущего состава «Агаты Кристи», таким образом, была укомплектована. Но до ревущих от восторга залов оставалось ещё лет 20–25, а пока младшеклассник Вадим утром отводил маленького брата в садик, а вечером приводил его обратно. Папа-инженер и мама-анестезиолог весь день пропадали на работе, поэтому груз забот о младшем члене семьи лёг на плечи старшего брата. Через 30 лет Глеб в разговорах с журналистами вспоминал, как Вадик тянул санки с ним по дороге из садика по тёмным улицам Асбеста.

Трёхкомнатная квартира на последнем пятом этаже стандартной хрущёвки выходила окнами на запад и восток. «Мы в детстве жили рассветами красивыми и закатами, пребывали между сказками, – вспоминал Вадик. – Мы с Глебкой дружно жили, параллельно развивались, делились всем, слушали и смотрели одно и то же. Читали книжки, жили, скорее, внутренним миром и благодарны родителям, что они нам да-

ли такую возможность». Чтобы не расставаться с младшим братом даже в школе, Вадик аполитично вставил его маленький портрет в свою октябрятскую звёздочку: «У меня была пластмассовая звёздочка под рубин со стёклышком внутри, под которым был портрет маленького блондина Ленина. Вот я туда под стёклышко и вставил фотографию блондина Глеба, молодого и кудрявого».

Семья Самойловых, 1971

Для Глеба первые годы его жизни навсегда остались самыми светлыми впечатлениями: «У нас всегда была большая семья, не представляю другого, всегда жили папа, мама, Вадик,

я, бабушка с нами... Позже, в периоды какой-то безысходности и депрессии инстинктивно хотелось вернуться в детство, потому что хотелось быть счастливым, а счастье ассоциировалось с тем, что было в детстве: мама, папа, Вадик, Асбест, солнце, мы смотрим телевизор или с балкона смотрим на то, как заходит солнце за лес, похожий на океан... На самом деле все мои лучшие песни – это воспоминания о детстве. С детством связаны первые мои переживания, первые ощущения полёта, первые фантазии. Не то, как я буду космонавтом, или гонщиком, или милиционером, или пожарником, мечты о полёте... Самая навязчивая тема у "Агаты Кристи" – небо, полёты. Всё это из детства...»

Летом братья отдыхали у бабушки в деревне Кармак в сорока километрах от Тюмени. На крыше сарая вместе оборудовали звездолёт, тщательно обдумывали маршруты полётов над бескрайними окрестными полями к далёким галактикам. Но больше всего они любили играть в «Семнадцать мгновений весны», страшно споря о том, кому быть Штирлицем. Игра обязательно включала яростную погоню, которая в телеоригинале отсутствовала. Во время одной из таких гонок с преследованием Глеб-Мюллер с нацепленными погонами со свастикой запнулся и со всей дури впечатался в свежую коровью лепёшку. Возможно, с тех пор мотивы Германии 1930–1940-х годов в его песнях откровенно плохо пахнут.

Несмотря на то, что Рудольф Петрович занимал довольно важный пост, жила семья Самойловых небогато. «Помню, как Вадику долго копили на джинсы, – рассказывает Глеб. – Так долго копили, что все переживали, и когда Вадику джинсы эти всё-таки купили, я так гордился, как будто их купили мне».

Профессии родителей были отнюдь не творческие, но музыка в доме звучала постоянно. «У нас всегда собирались на посиделки, пели, разговаривали, – вспоминает Вадик. – У нашей мамы была очень хорошая подруга, она брала гитару и, не зажимая аккордов, перебирала струны. И все пели про

виноградную косточку, это было так проникновенно... Когда папа подпевал "кавалергарда век недолог", это вставляло меня, честно говоря». В большой комнате стояло пианино, на котором Вадик сам подобрал песню «Кто на новенького?» из фильма «Достояние республики», причём сразу в оригинальной тональности фа-диез минор. В разных интервью он рассказывал, что это эпохальное событие произошло, когда ему было то ли 4 года, то ли 5–6 лет. Видимо, детская память подвела лидера «Агаты Кристи»: фильм «Достояние республики» вышел на экраны 28 апреля 1972 года, когда Вадиду уже шёл восьмой год, и он всю осваивал фортепиано в музыкальной школе.

В 1978 году родственник привёз из Барнаула магнитофон «Юпитер» и коробку катушек в придачу. Вместе с младшим братом Вадик прослушал все записи. Ему больше всего понравились «Queen», а на семилетнего Глеба неизгладимое впечатление произвели три альбома «Pink Floyd»: «Это был гармонизированный транс, уносящий детское сознание в какие-то дебри, дающий понять, что где-то есть другая реальность». После этого Глеб твёрдо решил, что, окончив школу, будет работать «пинкфлойдом», и подтвердил эту мечту на уроке рисования: «Учительница попросила изобразить, что кому хочется. Все рисовали цветочки, зайчиков и танки, а я – рок-группу с гитарами, барабанами и хаерами».

Александр Козлов (с бас-гитарой) и Виктор Ланских,
1978

Примерно в это же время совсем неподалёку водили дружбу два других будущих «агатовца» – Саша Козлов и Петя Май. Познакомились они в музыкальной школе, где Саша осваивал скрипку, а Петя – фортепиано.

Пётр Май на школьном вечере, 29 декабря 1978 года

Козлов быстро понял, что Паганини из него не получится. К тому же в старших классах музыкальной школы его интересовали уже совсем другие ритмы: «Когда мне было лет 13, родители купили магнитофон "Комета". Я у друзей собираю пластинок наших вокально-инструментальных ансамблей, поназаписывал любимых песен, крутил их, подбирал. Западная музыка меня тогда мало интересовала. Первое сильное потрясение от неё связано с расцветом диско. "Boney M" и "ABBA" на меня произвели шокирующее впечатление. "ABBA" до сих пор осталась одной из самых любимых моих команд. Потом мне сказали, что под Свердлов-

ском есть место, где можно найти много пластинок. С девятого класса я стал регулярным посетителем этой "Тучи", фанатом пластиночного дела и среди своих знакомых прослыл меломаном и большим знатоком. У меня была очень хорошая память на фактологическую информацию. Я запоминал все составы всех групп, всех продюсеров, в какой студии записывались, какая фирма выпустила, в каком году, вплоть до того, какая песня по счёту с пластинки играет сейчас. Я гордился, что всё это знал. Я слушал всё подряд, был всеядным, хотя наибольший интерес проявлял к музыке новой романтики, новой волны: "Duran Duran", "Spandau Balet". Я чувствовал что-то, заставлявшее собирать такую музыку».

Петя был на два года младше Саши и инстинктивно тянулся к старшему другу. Вместе они могли днями напролёт слушать пластинки из обширной козловской коллекции, жарко обсуждая музыку. Друзьям хотелось походить на артистов с обложек дисков, а главное – сочинять и исполнять мелодии не хуже, чем они. К сожалению, скрипка и пианино, навыки обращения с которыми дала музыкальная школа, представлялись друзьям не очень подходящими инструментами для прокладывания дороги в рок-н-рольное будущее.

Летом 1977 года во время трудовой четверти в подшефном колхозе Петя впервые познакомился с ударной установкой. Произошло это в сельском клубе, где местный ансамбль пытался репетировать номера для танцев. Хотя музыканты были не ахти, но даже на их фоне барабанщик выделялся

полной беспомощностью. В конце концов, прямо на глазах заглянувших в клуб от нечего делать асбестовских школьников незадачливого драммера с позором изгнали со сцены. Музыканты стали ломать голову, кто же сможет им подстучать, и вдруг неожиданно для самого себя в почти пустом зале поднялся тринадцатилетний Май: «А можно я попробую?» Сел за барабаны и отыграл первую в своей жизни партию ударных так, как будто учился в музыкальной школе стучать не по клавишам пианино, а по бочке, тарелкам и прочим атрибутам барабанной кухни. Май оказался ударником-самородком и до отъезда из колхоза каждый вечер или репетировал, или играл на танцах.

Дома в Асбесте особые перспективы для дальнейшего музицирования не просматривались. В родной школе № 1 имелся ансамбль, но честь стать его участником была прерогативой десятиклассников. Девятиклассник Козлов и восьмиклассник Май готовились ждать своей очереди выступить на школьной сцене ещё год-два, но помог случай. В сентябре 1978 года вдруг оказалось, что в очередной выпускной параллели случился провал с музыкальными кадрами и играть на школьных вечерах некому. Переходящее музыкальное знамя подхватили Сашины одноклассники. Сам Козлов занял вакантную должность бас-гитариста: «Музыканты, которые играли на школьных танцах, были для нас богами. Все танцевальные вечеринки собирались ради них. Когда они закончили школу, нужна была новая группа. Посколь-

ку я учился в музыкальной школе, знал ноты, как-то быстро к своему удивлению постиг бас-гитару. Мы стали играть типовой советский репертуар ВИА». На пустовавшее место за электроорганом «Юность-70» Саша порекомендовал Мая. Но капризный советский синтезатор и Петя как-то сразу не сошлись характерами. Май взял в руки гитару и встал к микрофону.

В ходе репетиций выяснилось, что школьный квартет хромает сразу на две ноги: второй гитарист и барабанщик явно не дотягивали до уровня Саши и Пети, как-никак уже несколько лет учившихся музыке. Несмотря на все усилия, даже простенькие номера для школьных танцев получались так себе. И опять помог случай. Для выступления на празднике английского языка Май разучил битловскую «Let it be». В сольном исполнении под одну гитару она как-то не звучала, и учительница английского языка привела ему в помощники румяного шестиклассника. Звали его Вадик Самойлов. На концерте он замечательно подыграл Маю на пианино, но от предложения попробовать себя в качестве клавишника в школьном ансамбле как-то уклонился.

Козлов объяснил обескураженному Маю поведение Вадика. Мама Саши работала с Ириной Владимировной в одной больнице и знала, что строгая Самойлова считала всех музыкантов, кроме классических, лоботрясами и запрещала старшему сыну даже близко подходить к какому-нибудь ансамблю. А Вадик очень нравилась популярная музыка и то,

как звучит школьная группа: «Я уже был знаком с Сашкой Козловым, он играл в ансамбле, я ходил слушать. Репетировали они в пионерской комнате, дверь была приоткрыта, вот заглянешь, послушаешь – потом полшага сделаешь вперёд, а потом уже и в комнату зайдешь...»

Асбест. Школа № 1

Вадик хотел играть в ансамбле, а ансамблю до зарезу требовался Вадик. С большим трудом нарядившимся как можно более благообразно Саше и Пете удалось убедить маму Вадика, что не все рок-музыканты бездельники и алкоголики и что участие в школьном ансамбле ничем её сыну не

грозит. Смиловитившаяся Ирина Владимировна разрешила Вадику посещать репетиции, но только при условии отличной учёбы в обычной и музыкальной школах, а также выполнения всех работ по домашнему хозяйству. Весной 1978 года трио, ставшее костяком школьного ансамбля (а в будущем – тремя четвертями «Агаты Кристи»), было укомплектовано.

Музыкальный дискурс в семье Самойловых

«Вадик как-то сразу быстро влился в наш ансамбль, – вспоминал Козлов. – Мы сыгрались, появилось дыхание у группы». Трио репетировало не только в школе, но и дома то

у Саши, то у Вадика. Когда разучивали песни дома у Самойловых, в комнате всегда сидел маленький Глеб и внимательно следил за творческим процессом. Друзья иногда говорили ему: «Давай подрастай быстрее, будешь у нас четвёртым». Глеб не отвечал, наверное, тщательно обдумывал предложение.

Это трио стало звёздами школы № 1. ВИА менял состав, названия (история сохранила только одно из имён – «Циклон»), но костяк оставался неизменным. Хотя формально Вадик был клавишником, Петя – гитаристом, а Саша – басистом, каждый из них мог сыграть любую из партий. На концертах и школьных танцах они часто менялись инструментами безо всякого ущерба для качества исполнения. В новом учебном году традиционный репертуар ВИА перестал удовлетворять амбициям юных музыкантов. Им захотелось петь собственные песни.

«Ребята пробовали что-то сочинять, я предложил свои вещи. Мы сидели, даже записывали что-то», – вспоминает Вадик. Его слова о первых пробах пера подтверждаются воспоминаниями Козлова: «Песни в основном придумывали я и Вадик. Было много хитов, которые в школе проходили на ура. Люди их ждали, и мы знали, что вот эта песня – это топ, и всегда играли её с большим энтузиазмом».

На школьных танцах новые песни принимали здорово, но «Циклону» приходилось выступать на районных и городских конкурсах самодеятельности, а там не санкционированное

сверху сочинительство не очень-то приветствовалось. Приходилось подписывать свой материал именами профессиональных композиторов, но школьные сочинения оказались такими качественными, что разные комиссии легко верили в обман.

Братья Самойловы, 1977

В «Циклоне» Вадик играл на злополучной «Юности-70», но по свидетельству одноклассников умел извлекать из неё такие звуки, что все диву давались. Самый младший участник ансамбля поработал над улучшением материально-технической базы группы: сам смастерил новый бас для Козло-

ва, выпилив из ДСП корпус, приделав к нему гриф от обычной гитары со струнами от рояля и установив датчики. Звучал этот самопал намного лучше, чем «фирменная» бас-гитара «Урал». Музыкальная деятельность семиклассника Вадима Самойлова заметно подняла его авторитет в окрестных дворах. Когда вечером он поднимался к себе на пятый этаж, компания подростков, сидевшая в подъезде, не приставала к нему, как раньше, а только уважительно просила подстроить гитару, что юный рок-гуру великодушно делал.

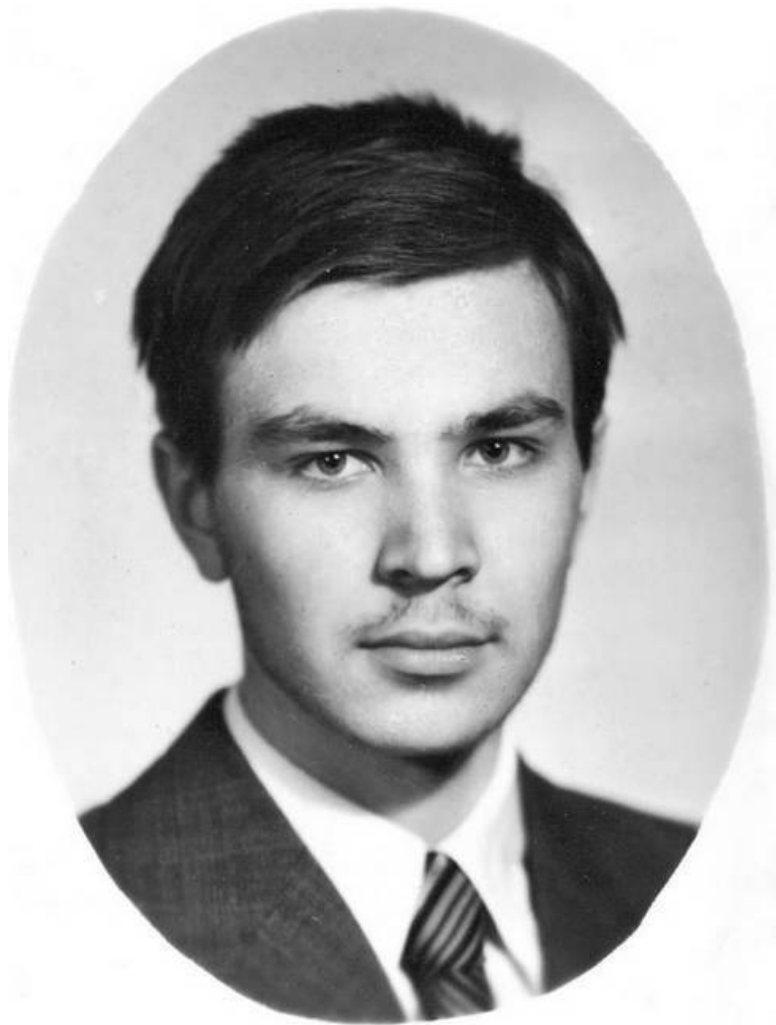
Козлов познакомил младшего товарища со своей коллекцией пластинок, что сильно расширило музыкальный кругозор Вадика: «Начинал я с "Pink Floyd", "Deep Purple", "Kansas". Чуть позже увлёкся "металлическими" командами типа "Асепт", "Scorpions". Но увлечение хард-роком было у меня несерьёзным – так, подурочиться. А потом понеслось... В десятом классе на меня обрушилась лавина самой разнообразной музыки, я слушал всё, но висел на "Queen" – то есть на самой прогрессивной, в основном английской музыке».

Братья Самойловы, 1982

Совместное сотворчество продолжалось весь 1978–1979-й учебный год. Летом Саша закончил школу и поступил в Свердловский медицинский институт. На творчестве «Циклона» это заметно не отразилось: почти каждые выходные первокурсник Козлов возвращался в родной Асбест и играл в составе своей группы на танцах. Однако к тому времени и до Асбеста докатилась мода на дискотеки, то есть на танцульки под магнитофонные записи западных артистов. «Живые» музыканты остались невостребованными. По выходным троица собиралась у Саши или у Вадика дома и сочиняла что-нибудь своё. «Дома было нельзя грохотать на барабанах, и в

роли бочки выступал ботинок, которым стучали по полу, – вспоминал Май. – Рабочим барабаном служил надувной шарик, по которому били ладошкой, а вместо хэта и тарелок использовали лист целлофана, положенный на стол. Бас подключали к магнитофону, а Вадик, сидя за пианино, одной рукой втыкал аккорды, а другой умудрялся на гитаре свои соло играть. Мы чувствовали, что какие-то музыкальные идеи начинают наклёвываться».

К этому времени Вадик закончил формальное музыкальное образование: «Поступил я в музыкальную школу добровольно, а закончил её только благодаря героическим усилиям моей мамы. У меня остались совершенно жуткие воспоминания о музыкальной школе, где со сломанным голосом я должен был петь в хоре какое-то сопрано. Я убегал с репетиции, приходила моя мама и устраивала скандалы. Закончили мы эту школу вместе с мамой: она деньги какие-то платила, мучилась, кричала...» В дальнейшем Самойлов развивал свой музыкальный талант уже самостоятельно.

В 1980 году Асбест покинул и Петя. Он поступил в Уральский политехнический институт на механико-машиностроительный факультет. Там музыкального первокурсника сразу заметили, и всего через месяц Май восседал за ударной установкой ансамбля стройотряда «Мечта», игравшего, кстати, весьма профессионально. Постоянные репетиции и студенческая жизнь не оставляли Петру времени на частые визиты домой. С Сашей он связи не терял, тот частенько посещал репетиции «Мечты», приносил пластинки, делился музыкальной информацией. Общаться в Свердловске было гораздо проще, чем мотаться каждые выходные в Асбест. Ведь и у Козлова возросшая учебная нагрузка в мединституте стала отнимать гораздо больше времени. Школьное трио «Циклон» фактически развалилось.

Вадик не очень сокрушался по этому поводу: надвигались выпускные экзамены, и времени на музыку просто не хватало. Окончил школу он неплохо: «Я был хорошистом. В аттестате у меня была тройка по одному предмету. По пению». Бурно радоваться последнему школьному звонку помешали домашние проблемы: Рудольф Петрович ушёл из семьи. Глеб это остро переживал: «Папа и мама разошлись, когда мне было 12, а для меня было важно, что есть папа. Папа есть, это уже хорошо...» Вадик в те дни дал себе зарок: «Когда родители разводились, я поклялся, что у моего ребёнка будут и папа, и мама, но судьба подкидывает нам испытания, с которыми мы не всегда справляемся. Говорят же, не зарекайся...»

В августе 1982 года Вадик Самойлов поступил на радиотехнический факультет УПИ: «Я с детства увлекался наукой, моей любимой книжкой была "Занимательная физика". Я проводил разные оптические опыты, пытался смастерить стереоочки. Ещё в школе я стал экспериментировать со звукозаписью, при помощи топанья и ножек стола пытался имитировать звук барабанов, сам паял необходимые приборы. Увлёкся радиоэлектроникой. Поэтому поступление на специальность "Конструирование и производство радиоэлектронной аппаратуры" радиофака УПИ было абсолютно логичным, ведь современная музыка и радиоэлектроника – это два сапога пара».

В сентябре желторотые первокурсники отправились в

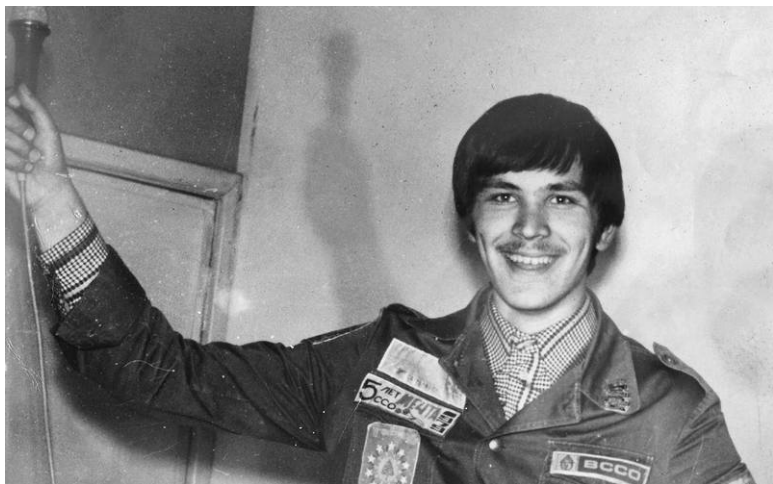
колхоз на картошку. По словам Александра Кузнецова, одноклассника Вадика, студент Самойлов с первых дней пребывания в колхозе обратил на себя внимание однокурсников и старших товарищей: «К нам в колхоз приехали эмиссары радиофаковского стройотряда "Импульс" и сразу заметили Вадика: в свободное от картошки время он с несколькими ребятами придумывал сценки, играл на гитаре, смешно переделывал известные и даже сочинял новые песни. Я помню, как остроумно он перепел с новыми, подходящими к обстановке словами алябьевского "Соловья"». Самойлов и Кузнецов сблизилась на почве общей любви к рок-музыке, которой Саша увлекался ещё с пятого класса. Он вырос в небольшом шахтёрском городке в Пермской области. Его старший брат играл на гитаре в местной группе, и Саша сизмальства слушал рок, паял схемы и пытался усовершенствовать звук гитары.

После колхоза обоих перспективных в творческом плане студентов пригласили в стройотряд «Импульс». От уже закончивших УПИ бойцов там остались инструменты и даже аппаратура, не хватало только музыкантов. Вадик сразу же загорелся идеей сколотить группу; Кузнецов, уже получивший студенческое прозвище Бобёр, всячески поддерживал друга в этом начинании.

Май, обрадованный пришествием в стены УПИ старого друга, стал зазывать Вадика в свой ансамбль, но безуспешно. Самойлов то ли ещё в колхозе проникся давним сопер-

ничеством «напильников» и «паяльников» (то есть мехфаковцев и радиофаковцев), то ли впервые на памяти асбестовских друзей проявил самостоятельность и даже некоторую обособленность. Хотя аппаратура у «Мечты» была гораздо лучше, чем у «Импульса», Вадик отклонил выгодное предложение и, как Володя Ульянов, пошёл другим путём.

Вадик хотел иметь собственную группу. Минимальная материально-техническая база была, имелись и предпосылки для её улучшения. Первое достижение Саши Кузнецова на музыкальной сцене УПИ носило техногенный характер: он смастерил педаль-примочку, которая, к общему удивлению, работала и лихо преображала звук простенькой стройотрядовской электрогитары.

Пётр Май, боец ССО «Мечта», 1982

Бесспорным лидером зарождавшейся группы и её соло-гитаристом был, разумеется, Самойлов. Кузнецов получил в руки бас: «Играть на гитаре я умел, но слабенько. Вадик объяснил мне буквенные джазовые обозначения и просто расписывал мои партии. Я был человеком заинтересованным: надо же другу помогать, аккомпанировать, вот и освоил инструмент. Поначалу Вадик просто показывал мне, куда нажимать, а я тупо дёргал струны. Но я много занимался и постепенно добился неплохого звукоизвлечения». Первый состав безымянной пока группы сформировался по жилищно-коммунальному принципу: Вадик с Сашей жили в одной пятиместной комнате в общежитии. Их сосед Вадим Вишняков стал, как умел, стучать в барабаны.

Музицирование быстро привлекло внимание публики, правда, не совсем так, как ожидали сами рокеры. «Как-то поздно вечером мы играем на гитарах, шумим, – вспоминает Кузнецов. – Вдруг стук в дверь, заходит строгий третьекурсник, член совета общежития: "Вы хоть знаете, который час? На вас девочки жалуются". Звали его Гриша Кадушин, он жил буквально за стенкой». Это случайное знакомство через 10 лет сыграет большую роль в судьбе «Агаты Кристи».

Новорождённый коллектив существовал в двух параллельных творческих реальностях. В одной он был ансамблем студенческого строительного отряда «Импульс», иг-

рал на танцах, исполнял традиционные ССОшные песни. В другой – это была рок-группа, пытавшаяся определиться с собственным стилем и даже сочинять собственные песни. Выбрать стиль было трудно. В общажной комнате на улице Коминтерна звучала самая разная музыка: от вполне себе классических «Creedence Clearwater Revival», «Deep Purple» и «Queen» до невообразимой смеси из металлического «Iron Maiden», электронного «Зодиака», попсового «Форума» и эмигрантского Токарева.

ПУСТЬ ВСЕ ЯРЧЕ

Александр Кузнецов, Вадим Самойлов и Александр Овчинников, репетиция в «Красном уголке» общежития, 1983
Фото из архива Александра Кузнецова

Взболтав этот коктейль в собственных головах, Вадик и Саша при помощи двух магнитофонов «Нота-202» излили получившуюся смесь на магнитную плёнку – под гитару и бас исполнили длинное попурри из всех музыкальных тем, которые пришли им в голову в процессе записи. Осенняя рекорд-сессия 1984 года стала предтечей будущих альбомов «Агаты Кристи», а само попурри, наверное, можно считать истоком творческого метода Вадима Самойлова, в будущих песнях которого при желании отыщется смесь любых стилей. «Мы сами всё это записывали, сами слушали и сами тащились, – вспоминает Кузнецов. – Дальше нашей комнаты эта запись не пошла».

«Попурьярное» баловство продолжалось несколько месяцев, постепенно усложняясь. В одной из песен «Форума» друзья услышали супермодный тогда звук электронных барабанов. Ничтоже сумняшеся, они вырезали кусок плёнки с фрагментом партии ударных, склеили его в кольцо и стали записывать очередной пятнадцатиминутный микс под этот самодельный сэмпл. Благодаря техническому новшеству звучание дуэта заметно обогатилось.

В это же время заиграла новыми красками и личная жизнь. На новогоднем вечере Вадик познакомился с Таней

Тыторевой, студенткой инженерно-строительного факультета: «Он был такой румяный, смешной, но очень творческий парень. Я сперва немножко насмешливо на него смотрела: я постоянно участвовала в институтских концертах, танцевала, пела, была ведущей, а он только начинал собирать свою первую институтскую группу. Но как-то мы друг друга стали замечать... Мы встречались, расставались, снова сходились... В общем, отношения были бурными».

Скоро среди стройотрядовцев УПИ Вадим Самойлов стал уже признанной звездой. ВИА ССО «Импульс», куда помимо Вадика с Сашей входили гитарист и вокалист Александр Овчинников и барабанщик Михаил Безруков, был постоянным участником всех институтских мероприятий. Для этого ансамбля Вадик написал несколько песен, первой из которых стала лирическая баллада «Листопад». Её до сих пор поют в общежитиях Уральского федерального университета (так ныне называется УПИ). В 1983 году Самойлову попался в руки сборник стихов без начала и конца. Стихотворение «Листопад» его зацепило, и он сочинил к нему музыку. Так десятилетиями песня и гуляла по стройотрядам: «музыка – Вадима Самойлова, слова – неизвестного автора».

Ансамбль ССО «Импульс», лето 1984 года

За «Листопадом» последовали другие песни. «Стройотрядовское творчество было для меня неким лирическим отступлением, – рассказывал Самойлов. – На самом деле сочинять бардовские песни мне несвойственно. И хотя я их писал от души, но совсем не потому, что эта музыка мне нравилась. Просто мне была интересна тусовка и институтская жизнь».

Каждое лето на целине ВИА ССО «Импульс» обновлял репертуар, блистал на институтских конкурсах студенческой самодеятельности. В 1988 году Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» небольшим десятитысячным тиражом выпустила пластинку «Знаменка. Песни студенческих отрядов», в которую вошли три бардовские песни, сочинённые Вади-

ком. В статье-аннотации на обороте конверта Вадим Самойлов, Пётр Май и будущий «агатовец» Александр Иванов упомянуты в числе «лучших авторов и исполнителей самодельной целинной песни». До сих пор номера из репертуара УПИшных стройотрядов начала 1980-х всплывают в Интернете как «раннее творчество В. Самойлова», наводя панику среди фанаток «Агаты Кристи».

На целине музыкой стройотрядовцам удавалось заниматься только по вечерам, после основной работы, но даже в таких условиях Вадим умудрялся находить возможности для самосовершенствования. Во время летнего трудового семестра он обнаружил среди инвентаря совхозного клуба чешский саксофон, на котором сроду никто не играл. Три недели каждый вечер боец стройотряда Самойлов вместе с саксофоном уходил за околицу и пытался извлечь из инструмента мелодию, пугая местную скотину. Перед таким упорством саксофон сдался, и ещё до возвращения в Свердловск Вадик научился довольно сносно на нём играть.

Очередное лето кончалось, и музыкальная жизнь в стройотряде почти замирала. Изредка ВИА играл на танцах, но, несмотря на то, что зал у ног музыкантов был неизменно битком набит, исполнять простенький плясовой репертуар Вадику с Сашей становилось всё более неинтересно. Друзья возвращались в общежитие и продолжали свои эксперименты со звукозаписью. В их попури всё меньше встречались куски чужих композиций, всё чаще попадались оригиналь-

ные фрагменты.

Александр Кузнецов, Вадим Самойлов и Вадим Вишняков, 1983

Фото из архива Александра Кузнецова

В то же время Вадим прекрасно понимал, что в рамках «Импульса» ему реализовать свой музыкальный талант не удастся: «Весной 1984 года мы сделали пробную запись на магнитофон... Она сразу высветила несколько проблем: во-первых, необходимы были более подготовленные в профессиональном плане музыканты, во-вторых, мы поняли всю сложность работы со звуком».

Вадим Самойлов и Александр Кузнецов, 1984

Глава 2

«Вначале я думал, всё будет просто» (1984–1988)

В начале третьего курса Самойлов взялся за создание рок-группы всерьёз.

Теперь к подбору кадров Вадик подходил уже гораздо серьёзней. На басу остался Кузнецов, который играл всё лучше и лучше. За барабаны после долгих переборов всех радиофаковских ударников Вадик позвал школьного друга Петю Мая. Появился клавишник Игорь Карпенко, учившийся на последнем курсе РТФ и обладавший хорошей фортепианной техникой. «Игорь увлекался арт-роком, – вспоминает Кузнецов, – и подсадил нас на "Yes". Мы долго въезжали в музыку этой группы, но уж как въехали...» Искали и освобождённого вокалиста, но подходящие певцы неуютно чувствовали себя в новых арт-роковых композициях ансамбля. Тогда Вадик приналёг на собственный вокал, и его голос звучал мощнее и уверенней.

Группа начала готовиться к факультетскому смотру художественной самодеятельности. Победа в нём являлась путёвкой на престижный институтский фестиваль «Весна

УПИ» – заметное мероприятие в масштабах всего Свердловска. Участнику смотра грех оставаться безымянным, и Кузнецов предложил немудрёное название – «ВИА РТФ УПИ» («Вокально-инструментальный ансамбль радиотехнического факультета Уральского политехнического института»), или попросту «РТФ». Эта аббревиатура приклеилась к группе на целых три года. Осенью 1984-го она помогла коллективу с репетиционной базой: столь официально называвшемуся ансамблю разрешили репетировать на факультете в смежных аудиториях 237 и 239. Последняя представляла собой небольшой конференц-зал с маленькой сценой, а в комнатке № 237, в обиходе называвшейся радиорубкой, хранилась аппаратура.

Вадим Самойлов на конкурсе самодеятельности, 1984

С аппаратурой была беда. Даже хуже – её практически не было. Имевшиеся слабенькие колонки позволяли подзвучивать стройотрядовские песни, но для арт-рока они решительно не годились. Вскладчину музыканты купили гитарный и басовый комбоусилители, которые производил (и за которые впоследствии пострадал) будущий знаменитый шансонье Александр Новиков. Маленький гитарный комбик за специфический звук и крикливость радиофаковцы любовно прозвали «Дурачком». Несмотря на умственные способности первых усилителей, они позволяли худо-бедно подзвучить концертные выступления.

Отрепетировали программу, состоявшую из четырёх номеров: двух инструментальных композиций и двух песен. «Если» Вадик написал на стихи Киплинга, а «Гимн» они с Игорем сочинили на текст армянского поэта Амо Сагияна. В репертуаре «РТФ» имелись и песни, целиком принадлежавшие перу Самойлова, но выносить собственную поэзию на суд жюри автор пока не решился. Кроме того, как надеялась группа, к песням, написанным на опубликованные в официальной печати стихи, жюри отнесётся более благосклонно. На репетиции часто приходил Саша Козлов, сидел в зале и давал советы. «Он был, если говорить современным языком, чем-то вроде нашего продюсера, – говорит Кузнецов. – Мы поначалу частенько зарывались куда-то чуть ли не в аван-

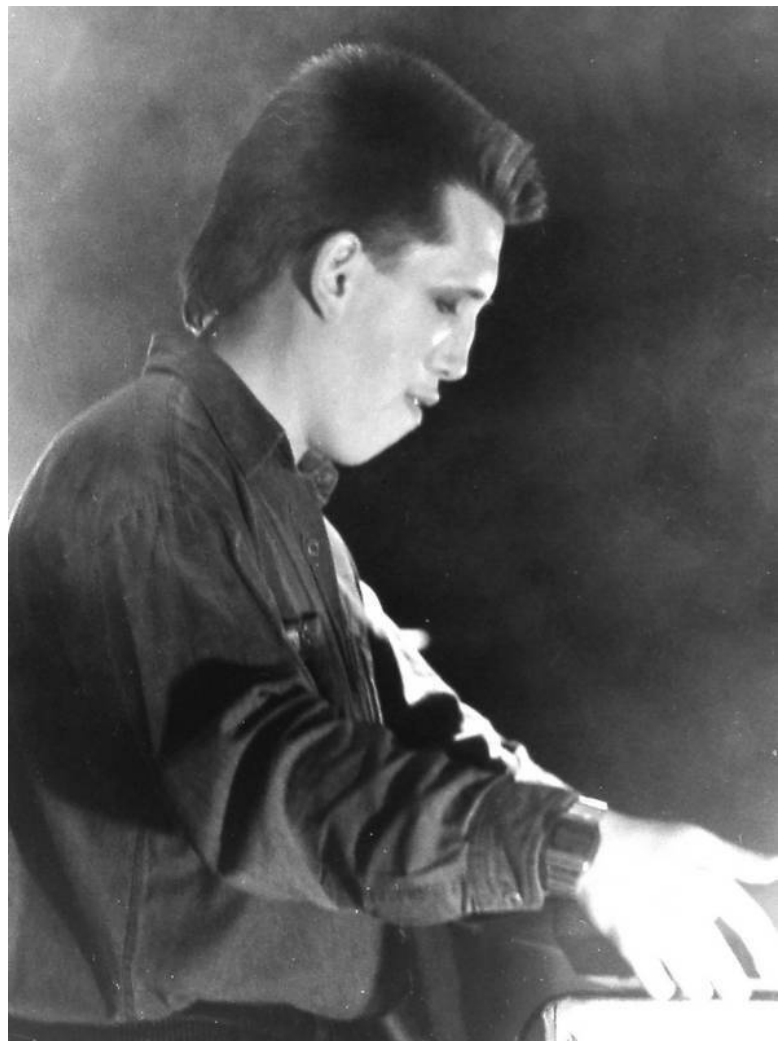
гарт. Такую музыку интересно играть, но тяжело слушать. А Саня со своим попсовым, в хорошем смысле слова, вкусом старался согнать нас куда-то в сторону новой волны. На первых порах его влияние было скромным, но постепенно к нему прислушивались всё больше».

В январе-феврале 1985 года коллектив дал пять концертов в учебных корпусах и общежитиях УПИ. Одно из выступлений открывал декламатор, читавший подходящие по случаю стихи. Чтеца, отличавшегося огромным ростом и могучим телосложением, ослепил бивший в лицо прожектор, и, продвигаясь к краю сцены, он плечом уронил прямо в зал стоявшую на сцене справа пирамиду колонок. Чудом никто из зрителей не пострадал. А «РТФ» легко отыграл концерт на одном левом портале.

Самым ответственным выступлением был пресловутый факультетский конкурс самодеятельности в начале марта. Изготовленные студентами-радиотехниками колонки долбанули по залу. Слушатели пришли в восторг, большая часть жюри – в ужас. За громкость «ВИА РТФ» получил всего 2 балла из 10 возможных. Кроме того, оглушённое жюри поставило в вину Самойлову его попытку исполнять собственную музыку.

Таня нашла Вадика за портьерой у входа в зал: «Он чуть не плакал. Больше всего его уязвили слова одного из преподавателей, что нет такого композитора – Вадима Самойлова. А он так хотел показать всем свои песни! Он потом писал

мне в письме, что больше всего в жизни боялся быть серостью».

Александр Козлов

Фото Дмитрия Константинова

После этого громкого во всех смыслах фиаско группа, запершись в комнате № 237, записала те самые зарезанные факультетским жюри композиции, плюс ещё две песни. Но «Гимн» и «Пройти весь путь» в результате какого-то внутреннего отбора отсеялись. Зато четыре оставшихся композиции были громко названы мини-альбомом «Если», несколько магнитофонных копий которого разошлись по общежитиям УПИ. Немногочисленные слушатели могли убедиться, что с музыкой пока у группы дела обстояли лучше, чем с текстами: из четырёх треков два – инструментальные. Всё звучало довольно бодро, но сегодня производит впечатление ученичества.

После этой пробы пера у «РТФ» начались кадровые проблемы. Игорь Карпенко ушёл в армию. За клавиши позвали Сашу Козлова, который к тому времени уже закончил мединститут и остался работать на родной кафедре. Благодаря своим частым визитам на репетиции, он хорошо знал всю программу. В изменённом составе «РТФ» 9 мая всё-таки выступил на «Весне УПИ». Правда, не на главной сцене, а во дворе студгородка перед уже знакомой с его творчеством аудиторией. В конце весны группа ещё раз предстала перед факультетским жюри. Учитывая прежний урок, колонки включили лишь на треть мощности, и программу «РТФ»

аттестовали. Но это уже не имело смысла: Пётр Май закончил институт и через неделю уехал по распределению в Сургут.

Александр Иванов, 1985

Летом 1985-го «РТФ» не подавал признаков жизни. Вадик в составе студенческого интеротряда съездил в Чехословакию, откуда привёз неплохую электрогитару. На инструмент ушли все заработанные деньги до последнего геллера. В августе он в составе ансамбля ССО «Импульс» поехал на традиционный фестиваль студенческой песни «Знаменка» под Свердловском. В тот раз лауреатом «Знаменки» стал студент мединститута Александр Иванов: «После моего выступления ко мне подошёл Самойлов и предложил попробовать поработать вместе. Я сразу согласился – у ансамбля "Импульса" была звёздная репутация. Только позже я узнал, что речь шла совсем о другой музыке. Вадик сразу же заинтересовался, не играю ли я на клавишах, но я его огорчил: моё музыкальное образование остановилось на первом классе музыкальной школы». Интерес к вокалисту-медику Самойлов объясняет влиянием старшего товарища: «Тогда Саня Козлов убеждал меня, что я должен только играть, а петь должен отдельный человек».

Осенью «РТФ» вновь начал музицировать. Под влиянием Козлова и его увлечения музыкой новой волны заметно припопсовилось звучание группы – оно стало более современным и ритмичным. Свою роль в этом сыграло также отсутствие живого барабанщика. Эту проблему два без пяти минут радиоинженера решили технически: из примитивного

советского синтезатора «Поливокс» выжали модные по тем временам звуки электронных ударных. Получилось неплохо.

Новых песен становилось всё больше. «Придумывали их в основном Вадик и я, – вспоминал Козлов, – большую часть Самойлов, меньшую – я, потихонечку их играли на репетиционной базе, записывали». В сочинительстве участвовали все. Как-то Кузнецову пришла на ум строчка «Мне жалко тех, кто смотрит на меня с укором». Вадику она понравилась, и он развил тему до полноценного текста песни. В начале весны начали мастерить новую запись. По словам Иванова, большую часть клавишных партий сыграл сам Вадик: «Он был не очень доволен техникой игры Саши Козлова. Сам он играл на клавишных гораздо лучше». После тщательного отбора из записанных песен оставили пять, которые объявили мини-альбомом «Голос».

Эту программу несколько раз даже показывали публике. «Её приходилось сдавать различным худсоветам при УПИ, чтобы нам позволяли играть на танцевальных вечерах, – вспоминал Козлов. – Тогда не разрешалось иметь много своих произведений в программе, типа 80 % песен должны быть советских композиторов и только 20 % своих. Мы играли свои песни, а в рапортчике писали: "музыка Добрынина, слова Дербенёва". В худсоветах сидели тёмные профаны, которые музыкой вообще не интересовались. Они принимали наше враньё за чистую монету, и все как бы добрынинские-тухмановские песни проходили литовку, утверждение. Тексты

там были настолько ни о чём, настолько не политизированы, настолько трудно было к ним придраться, что проблем у нас никогда не возникало».

15 марта 1986 года в Свердловске открылся рок-клуб. Музыканты «РТФ» подали заявления о вступлении в него одними из первых. Они не скрывали, что уральская рок-музыка оказала на них влияние, по крайней мере ни чуть не меньшее, чем музыка западная. С записями легендарных «Трека» и «Урфина Джюса» будущие «агатовцы» познакомились в годы студенчества – полуподпольные магнитоальбомы гуляли по общежитиям. Вадик даже привозил их домой: «Любимейшей группой для нас был "Урфин Джюс". Мы с Глебом слышали записи "УД", и нам сразу понравилось. В общем, "Урфин Джюс" действительно повлиял на нас». Петя Май был хорошо знаком с барабанщиком «Трека» Евгением Димовым и даже в 1985 году участвовал в его сольном проекте «Мост» в качестве бас-гитариста. Свердловский музыкальный мирок был не особо многолюден, так что не стоит удивляться, что «ртфовцы» встретили в открывшемся рок-клубе немало знакомых лиц.

20–22 июня состоялся I фестиваль Свердловского рок-клуба. Среди двадцати его участников «РТФ» не значился: группа пока не достигла того уровня, чтобы топтать фестивальную сцену. Будущие «агатовцы» сидели на 16-м ряду в зале ДК Свердлова как обычные зрители. Вадик внимательно слушал выступления коллег: «Я смотрел на сцену и чув-

ствовал, что скоро мне предстоит этим людям себя представлять, показывать свою музыку, доказывать своё профессиональное мастерство».

Вскоре после фестиваля, 4 июля, Козлов познакомился с Александром Пантыкиным. Лидер того самого «Урфина Джюса» ознакомился с материалом «РТФ» и предложил себя в качестве продюсера. «Как это ни кажется сейчас смешным, мнение Пантыкина в самом начале было очень для нас значимым, – рассказывал Козлов спустя 12 лет. – Он научил нас тщательности в работе и отрицательному отношению к любой халяве в звучании, в аранжировках, в сведении. Высокий уровень его профессиональных требований мы действительно пытались соблюдать, потому что для нас он был очень авторитетным человеком».

В августе «РТФ» выступил на фестивале «Знаменка». Большинство участников программы пели под гитары стройотрядовские песни, и на их фоне «ртфовцы» с басом, клавишами и непонятно откуда звучащими барабанами смотрелись особенно выигранно. В тот раз впервые на людях прозвучал будущий хит «Пантера». Среди почитательниц заранее ходили слухи о премьере, было даже известно название песни, и сразу после концерта девушки преподнесли музыкантам большую самодельную плюшевую пантеру с яркой, будто живой, бабочкой на макушке. Игрушка стала первым, пускай и не официальным, призом зрительских симпатий, полученным Вадимом Самойловым: «"Пантера" – одна из

первых песенок, которая стала известна, когда мы только начинали выступать. Она очень наивная и даже глупая... Никто к этой песне всерьёз не относился, никому персонально она не посвящена».

Следующее выступление мог наблюдать весь Советский Союз. В одной из первых игр только что возрождённого на Центральном телевидении «Клуба веселых и находчивых» участвовала сборная УПИ. КВН тогда считался делом чести вуза, и в команду чуть ли не в приказном порядке зачисляли всех талантливых студентов. «В институте мы слыли популярной и продвинутой музыкальной командой, поэтому в список включили и меня, – вспоминает Вадим. – Я сначала отказывался, но меня вызвал к себе сам ректор Набойченко...» Студент Самойлов согласился, но поставил условие: никаких переделок чужих песен, только авторский материал. И на двух первых играх парень с гитарой выходил к микрофону и пел собственные песни. Интерес к возрождённому КВН был огромным, и, хотя выступление Самойлова не сопровождалось титрами, его песни запомнились телезрителям.

Пантыкин вспомнил о своём желании продюсировать «РТФ» только осенью. Да и тогда музыкальное руководство группой не слишком обременило его – их репетицию лидер «Урфина Джюса» посетил только 12 октября. «Молодая кровь явно зовёт вперёд... Интересные ребята... Может выйти толк», – записал мэтр вечером в своём дневнике. Единственный совет, данный «продюсером», – для усиления состава требуется живой барабанщик.

4 ноября группа познакомилась с Аликом Потапкиным. Несмотря на юный возраст, 18-летнего барабанщика знали все музыканты Свердловска, причём не только рокеры. Алик был вундеркиндом: вот уже 4 года студент музучилища задавал ритм джазовым оркестрам и ресторанным ансамблям столицы Среднего Урала. В свободное от учёбы и работы время он играл в составе рок-группы «Флаг». На I фестивале рок-клуба «Флаг» оскандалился, подняв во время своего выступления «пробитое пулями» красное знамя. Ответственные товарищи сочли эту выходку антисоветской, и «Флагу» на полгода запретили выступать. Таким образом, у Алика Потапкина появилось свободное время: «Пантыкин спросил, не могу ли я помочь талантливым ребятам, у которых заминка с барабанщиком. Я согласился. В рок-клубе встретились с Вадиком и Сашей. Познакомились. Через пару дней на базе в корпусе радиофака я послушал их песни и сказал: "Мне нравится. Я хочу это играть". Все заулыбались, и мы приступили к репетициям». Вместе с Потапкиным приходил на радиофак его лучший друг и однокурсник клавишник «Флага» Лёва Шутылев. Особых обязанностей в «РТФ» у него не было, он просто помогал поддерживать в радиорубке дружескую атмосферу.

Дебют «ВИА РТФ» на сцене рок-клуба состоялся во время творческой мастерской 13 декабря 1986 года. Программу тщательно отрепетировали. Пантыкин, прослушавший её на радиофаке, остался доволен. «Играют неплохо, хотя музыку

несколько устаревшую, но очень музыкально и сильно, – записал он в дневнике 24 ноября. – Надо довести их до победного... Это маленькая бомбочка для рок-клуба... Хорошо, что есть ещё такие коллективы, которые работают серьёзно и без особых претензий». Несмотря на такие авансы, волновались все страшно.

На сцене ДК Свердлова группа исполнила семь композиций, две из которых были инструментальными. Отыграли ровно, но особого впечатления не произвели. Рок-клубовская публика, традиционно настроенная по-боевому, встретила новичков жёстко. Из зала кричали: «Алик, играй один!» – Потапкина здесь знали гораздо лучше, чем остальных «ртфовцев». После быстрого «Визита к Ван Гогу» симпатии зала вроде бы удалось завоевать, но прозвучавший затем лирический «Голос» разбил эту иллюзию. Неудивительно – времени на тщательную настройку группе не хватило, и публика не разобрала ни единого слова. «Мы были страшно зажаты, – вспоминает Иванов. – Опыт выступлений у нас был небольшой, а концертов западных звёзд не видели – видео было недоступно. Накануне мы придумали какое-то шоу с переодеваниями: я каждую свою песню должен был петь в новом облики. Но ничего не получилось. Я просто не знал, как себя вести, да и звучало всё совсем не так, как на репетициях».

Альберт Потапкин

Фото Дмитрия Константинова

Действительно, задуманное крутое шоу провалилось. Изначально замышлялось эффектное появление музыкантов в клубах дыма, подсвеченных лазером. Специально для создания таких эффектов привлекли первокурсника радиофака Сашу Таушканова. Он притащил за кулисы пакет с хлоридом аммония, купленным в фотомагазине, и электроплитку: нагретый химикат должен был бурно дымиться. Крутой спецэффект запретил пожарный ДК Свердлова, который сделал стойку, как только электроплитку воткнули в розетку. Без клубов дыма луч лазера превратился просто в яркую точку

на заднике. Шоу было безнадежно скомкано.

«Выступление не самое удачное, – рассказывал Самойлов спустя несколько дней корреспонденту УПИшной газеты "За индустриальные кадры". – Нам не хватило времени на настройку инструментов. Гитары "забили" клавишные, и у зрителей создалось искажённое впечатление, что мы играем хард-рок. Хотя музыка у нас более разноплановая, сложная, так называемый прогрессивный рок. Мы извлекли из выступления полезный урок. Концертному варианту нашей программы недостаточно только тщательной музыкальной проработки, нужен продуманный видеоряд. Ибо от того, как мы себя держим на сцене, зависит многое».

После выступления в рок-клубе к Вадику подошёл экс-барабанщик «Трека» Женя Димов. «Он стал убеждать меня, что второй вокалист нам не нужен, что у меня есть хороший посыл, энергия и понимание того, что я делаю. Это меня очень воодушевило. Признание коллег-музыкантов дорогого стоит, а Димова я очень уважал, мне нравился его сольный проект. Поэтому услышать такое мне было приятно вдвойне». Тем не менее кадровых изменений в составе даже по совету старшего товарища Самойлов делать не стал – он лучше знал, как должна звучать его группа.

На этом концерте произошло ещё одно событие. Сидевшим в зале «наутилусам» понравилась игра молодого барабанщика Потапкина, и они пригласили его в свой резко набиравший популярность коллектив. Алик принял предложе-

ние. Самойлов отнёсся к этому с пониманием: «Я всегда считал, что не надо привязывать человека к себе. Что разностороннее музыкальное развитие идёт только на пользу. "Наутилус" тогда уже становился активно гастролирующей группой. А мы выступали редко. Поэтому большой проблемы в том, что Алик уйдет в "НП", я не видел». Но Потапкин и не собирался бросать «РТФ» – полгода он умудрялся играть в двух группах сразу.

По результатам выступления в рок-клубе «РТФ» был аттестован, то есть получил право публичных выступлений в пределах Свердловской области. В начале 1987-го группа несколько раз выступила в Свердловске, а в феврале даже выезжала в Пермь с концертом по линии межвузовского обмена. Это были странные гастроли: в первом отделении играл «РТФ», а во втором – шли соревнования по брейк-дансу, вести которые организаторы упростили Иванова.

11 апреля взялись за запись альбома «Свет». В него вошли три старых, сильно переаранжированных композиции и новые песни, за сочинение которых Вадик активно принялся в последние месяцы: «Я пользуюсь методом ассоциативной поэзии, – говорил он в конце 1986 года. – Музыкальная фраза как бы рождается вместе с текстом, слова неотделимы от музыки. По-моему, именно на уровне ассоциативных образов можно полнее и глубже передать состояние человека, его боль или радость. Хотя, не отрицаю, есть вещи, для которых вначале пишется текст, а потом уже мелодия дополняет, под-

чёркивает его. Лично у меня наиболее удачные композиции получаются тогда, когда слова и музыка рождаются вместе».

Писали «Свет» по ночам в тех же аудиториях 237 и 239. Работали с азартом, Самойлова и Кузнецова не отвлекали от рекорд-сессии даже дипломы, защита которых должна была состояться через считанные недели. Запись не останавливало даже отсутствие вокалиста: когда Иванов не смог приехать на радиофак, партию бэк-вокала в песне «Голос» исполнил Алик. Немного перемудрили с барабанами. «Нам очень нравился звук электронной бочки, – вспоминает Кузнецов. – Вадик на "Поливоксе" накрутил примерно такой же красиво щёлкающий звук. Алик стучал на акустических барабанах, но со звуком бочки мы потрудились особо. Я поставил возле неё микрофон, его звук запускал реле, а реле запускало контакт на клавише "Поливокса". Барабанщик ударяет по бочке, микрофон снимает импульс, который обрабатывается синтезатором». В результате этих манипуляций звук ударных получился комбинированным, акустически-электронным. Помимо работы за ударной установкой, Потапкин поучаствовал и в аранжировке альбома, с успехом применив знания, полученные в музучилище. Кроме того, для записи песни «Сотни больших огней» он пригласил своего друга и соратника по «Наутилусу Помпилиусу» саксофониста Алексея Могилевского. Репетиции Алексею не понадобились: «Партия там была совсем простая. Вадик мне её просто напел, я повторил её на саксофоне, и мы это записали с первого дубля». В раз-

ных концах большой аудитории установили два микрофона. В один дудел Могилевский, в другой пел свою партию Иванов. Записали и свели альбом в два приёма за семь ночей.

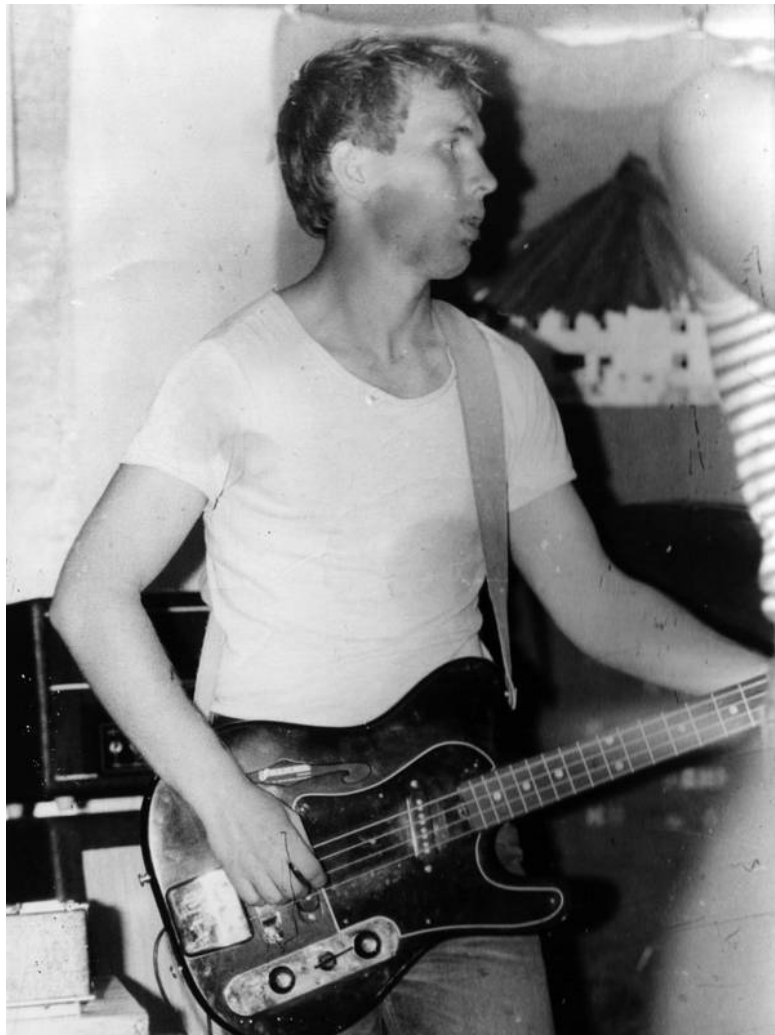
Александр Кузнецов и Вадим Самойлов, 1986

Свежую плёнку первым делом отнесли в рок-клуб. «Эта музыка явно символизирует радость и оптимизм людей, освободившихся от пут застоя. Праздник жизни! Свет, короче...» – писал об альбоме рок-клубовский журнал «Марока». Сами музыканты определили стиль «Света», как «харт, то есть сплав хард- и арт-рока, но основанный на лаконичном языке новой волны». Позже Самойлов называл этот альбом

«апофеозом этакого мажорного арт-рока».

Альбом «Свет» записывала ещё группа «РТФ», а выпустил его коллектив уже под другим названием. Самойлов с Кузнецовым заканчивали УПИ, и со старой аббревиатурой их больше ничего не связывало. Необходимо было новое имя. «Вадик принёс название "Жак-Ив Кусто", – вспоминает Потапкин. – Козлов предложил "Агата Кристи". Судили-рядили, но Саша смог убедить всех, что его вариант звучней и придаёт названию группы большую интригу». Кроме того, Козлов утверждал, что называть группу именем ещё живущего на свете человека как-то неудобно.

«Саша любил продавливать своё мнение в музыкальных спорах. Так же он поступил и с придуманным им вариантом названия, – вспоминает участвовавший в той полемике Иванов. – Он был ему дорог, ведь в этом имени он зашифровал собственные инициалы. Он умел пользоваться авторитетом самого старшего члена команды, апеллируя к своей ещё асбестовской дружбе с Вадиком. Были и другие варианты имени, но Козлов повторил свои аргументы раза три-четыре, и в конце концов деликатный Вадик согласился». Так «РТФ» стал «Агатой Кристи». Сам Козлов объяснял пришедшее ему в голову имя английской писательницы чистой случайностью: «У меня без всяких раздумий выскочило: "Агата Кристи!" Что-то подтолкнуло меня. Хотя я прочитал всего два-три её романа и более нудных детективов не читал».

Позже под это название музыканты группы подвели целую теоретическую телегу: «Все мы страстные любители классического детектива, особенно шедевров Агаты Кристи. В её книгах нас в первую очередь привлекает исследование группы людей в замкнутом пространстве. Интересно наблюдать, как изменяется психология человека, межличностное поведение вообще в процессе вычисления преступника, то есть в экстремальной ситуации. Свой интерес мы стараемся преобразовать в музыку. Насколько это у нас получается – судить не нам, хотя, думаем, получается многое».

Возможно, знатоки жизни и творчества «Агаты Кристи» возмутятся: «Как же так?! Ведь музыканты "АК" неоднократно говорили, что название их группы появилось на год позже?» Да, говорили. Трудно сказать, почему они сдвинули день крестин своего коллектива на год, но документы позволяют восстановить истину. В дневниках Александра Пантыкина, которые он аккуратно вёл каждый день, словосочетание «Агата Кристи» появилось в апреле 1987 года. На магнитофонной катушке с альбомом «Свет», отданной в рок-клуб, стояло имя «Агата Кристи». В машинописных журналах Свердловского рок-клуба, датированных 1987 годом, уже рассказывалось о концертах «Агаты Кристи». Это же название фигурировало и в официальном списке групп, входивших в СРК на июнь 1987 года.

14 апреля на конкурсе студенческой самодеятельности в Свердловском горном институте «Агата Кристи» впервые выступила под своим новым именем. Этот выход на сцену не произвёл на публику особого впечатления: она ведь не знала, что присутствовала при историческом событии.

Всё первое полугодие Потапкин, несмотря на плотный гастрольный график «Наутилуса», всё-таки умудрялся выступать ещё и с «Агатой». Неизвестно, долго ли продолжалось бы такое совмещение, но 7 июля Алик внезапно ушёл в армию. «Перед самым отъездом он рассказал мне, что Козлов предлагает Вадике кардинально поменять состав и петь самому, – вспоминает Иванов. – Я как раз уезжал на месячные военные сборы. Вернувшись, несколько раз ходил на репетиции, но начал чувствовать, что меня в "Агате Кристи" не особо и ждут. Осенью приступил к учёбе на выпускном курсе, а медицинская профессия значила для меня гораздо больше, чем музыкальное хобби. Поэтому я решил группу покинуть. Никакого формального увольнения не было. Всё произошло само собой».

Самойлов и Кузнецов окончили УПИ и приступили к работе (Вадик – на кафедре родного РТФ, а Саша – на секретном оборонном заводе), но трудовую деятельность они считали вторичной по отношению к деятельности музыкальной. «Для меня главным было сочинять, играть, выступать, – говорил молодой специалист Самойлов В. – Я мечтал об этом, а не о том, как на радиозаводе буду работать. Но я не жалею о

годах учёбы в институте. Там я провёл замечательное время, и знания, которые приобрёл, помогают. Звукозапись – дело хитрое, как раз по моей профессии».

«Агата Кристи» осенью 1987 года, как и «РТФ» два года назад, оказалась в полуразобранном состоянии. Самойлов и Козлов сочиняли новые песни, но они оставались пока лишь акустическими набросками. Кузнецов совершенствовал звукорежиссёрские навыки, помогая записывать альбомы свердловским группам «Встречное движение» и «Вадик Кукушкин и оркестр».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.